

Игнатий Николаевич Потапенко

Героиня (Записки старого студента #10)

Игнатий Николаевич Потапенко — незаслуженно забытый русский писатель, человек необычной судьбы. Он послужил прототипом Тригорина в чеховской «Чайке». Однако в отличие от своего драматургического двойника Потапенко действительно обладал литературным талантом. Наиболее яркие его произведения посвящены жизни приходского духовенства, — жизни, знакомой писателю не понаслышке. Его герои — незаметные отцы-подвижники, с сердцами, пламенно горящими любовью к Богу, и задавленные

нуждой сельские батюшки на отдаленных приходах, лукавые карьеристы и уморительные простаки... Повести и рассказы И.Н.Потапенко трогают читателя своей искренней, доверительной интонацией. Они полны то искрометного юмора, то глубокого сострадания, а то и горькой иронии.

Произведения Игнатия Потапенко (1856–1929), русского прозаика и драматурга, одного из самых популярных писателей 1890-х годов, печатались почти во всех ежемесячных и еженедельных журналах своего времени и всегда отличались яркой талантливостью исполнения. А мягкость тона писателя, изысканность и увлекательность сюжетов его книг очень быстро сделали Игнатия Потапенко любимцем читателей.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0014
III.....	.0026

**Игнатий Николаевич
Потапенко
Героиня**

В Москве, на Арбате, ещё до сих пор стоит портерная, в которой, в не так давно ещё минувшие времена, часто собиралась молодёжь и проводила долгие вечера с кружкой пива.

Теперь она значительно изменила свой вид, несколько расширилась, с улицы покрасили её в голубой цвет, в окнах, вместо прежних многочисленных неровных и тусклых стёкол, появились огромные зеркальные, и на вывеске она уже больше не называется портерной, а носит громкое название ресторации; но когда какой-нибудь из прежних её посетителей случайно попадёт в эти места, то всегда начинает тревожно оглядываться, как бы чувствуя, что здесь должно быть что-то близкое, и начинает искать глазами, и если взгляд его остановится на зеркальных окнах и новой вывеске, то он скоро припоминает старую портерную и всё то, что в ней происходило.

Здесь почти каждый вечер, за большим круглым столом, собиралось общество. Всё

это была молодёжь, большею частью плохо одетая; слышались громкие, звонкие голоса, непринуждённые речи, весёлые шутки и смех, а подчас раздавались горячие споры, затягивавшиеся долго-долго за полночь. Иногда здесь обсуждались и важные товарищеские вопросы, и из портерной по временам выносились решения, имевшие глубокое значение в жизни молодёжи. А запивалось всё это дешёвым и довольно скверным пивом, стоившим для всей остальной публики по пятаку за кружку, а студентам уступавшимся по три копейки.

Среди молодых лиц можно было заметить высокую худощавую фигуру, с бледным, вытянутым и как бы несколько удивлённым лицом, на котором росла скудная бородка, на половину седая, с жиденькими волосами на голове, с меланхолическим, тусклым взглядом.

Он носил, обыкновенно, крылатую, широкую накидку, а под нею короткий пиджак, узкие штаны и цветные рубахи с мягкими не крахмальными воротниками. В портерной появлялся он обыкновенно рано, часто — когда никого ещё не было в ней, и терпеливо до-

жидался, сидя в углу за уединённым столиком; а когда собиралось обычное общество, он с чрезвычайно скромным видом присаживался к столу, молча подавал всем руку и смотрел на всех исподлобья, почти недружелюбно. Но это была только манера, которою, может быть, он хотел выразить особую серьёзность, и ему недолго удавалось выдерживать её. Уже после четвёртой кружки взгляд его оживлялся, лицо становилось добродушным, и он начинал говорить слова. Слова эти не отличались глубоким смыслом и были почти всегда одни и те же, но произносил он их с горячностью, с задором и этим всех подкупал, так как горячность и задор были основными качествами молодого общества.

— Эх, молодёжь, — восклицал он, стуча по столу, — люблю я молодёжь, кажись, всю бы жизнь среди вас просидел!

— Да что же вам мешает? — спрашивали его полусуто.

— Что мешает? Дела...

— Какие у вас дела?

— Разные дела... Э, да стоит ли говорить о делах, когда с вами так хорошо! Эх, молодёжь!

что может быть лучше молодёжи!

У него бывали деньги, но нечасто, и никто не видал, чтоб их у него было много. Иногда, когда, уже далеко за полночь, все уставали и начинали потягиваться и позёвывать, а затем собирались по домам, он вынимал кошелёк и говорил:

— Нет, братцы, не платите. Позвольте мне сегодня; сегодня моя очередь!

И он, действительно, платил за всех.

Но гораздо чаще случалось, что его кошелёк был пуст, и тогда он, нисколько не стесняясь и не видя в этом ничего для себя позорного, прямо заявлял:

— Ну, братцы, у меня нынче ни гроша нет, плати за меня кто-нибудь!

И все находили это в порядке вещей и платили за него.

Звали его Леонтием Степановичем Кожевкиным. Роль этого человека не ограничивалась постоянным посещением портерной: он являлся всюду, где только бывали студенты. Он приходил в университет, слонялся по коридорам (в те времена это дозволялось), заходил и в аудитории.

Слушая лекции, он не слишком интересовался ими. По крайней мере ни из чего не было видно, чтобы хоть одна из них произвела на него впечатление. Казалось, что он находил удовольствие в том, чтобы сидеть на студенческой скамье рядом с молодыми людьми и смотреть, как профессор с кафедры что-то старается им втолковать.

Его видели в аудиториях разных факультетов. Не задаваясь никакими задними мыслями, он свободно переходил от химии к греческому языку, от истории к астрономии, с одинаковым почтением относясь ко всем наукам и одинаково ничего в них не понимая. Он просто любил тереться среди молодёжи, и в те часы, когда он сидел в аудитории, лицо его становилось необыкновенно серьёзным и на нём выражалось сознание всей важности науки, с которой он не имел ничего общего. Во всяком случае, нельзя было сомневаться в том, что он испытывал высокое наслаждение.

Его видели и на сходках. Он, конечно, никогда не говорил и даже, кажется, не слушал то, что говорили другие, а просто толкался в толпе. Это доставляло ему удовольствие.

Наконец, когда общество уже в изрядно ве­ сёлом состоянии, — разумеется, в том случае, если у кого-нибудь находились лишние день­ ги, — из портерной отправлялось искать ноч­ ных приключений, вступало в ссоры с поли­ цией и задирало прохожих, Кожевкин обяза­ тельно находился здесь и в энергии и задоре несколько не уступал другим.

Все привыкли к его присутствию и никто никогда не справлялся о том, кто он такой, ка­ кое место занимает в природе. Профессора при­ гляделись к нему и не удивлялись тому, что постороннее лицо, по возрасту не подхо­ дящее под тип студента, часто появляется в числе слушателей. С инспекцией он вежливо здоровался, а служащего смотрели на него как на чудака. Словом, Кожевкин молчаливо был признан всеми в университете.

Никому он не сделал ничего дурного; на­ против, всегда готов был услужить и деньга­ ми, когда они у него были, и работой. Если студент жаловался ему, что надо сходить ку­ да-нибудь на дальний конец города, а у него нет времени, Кожевкин, не задумываясь, предлагал:

— Так зачем же вам? Вот, право, пустяки! Я сбегая за вас и всё сделаю... Можете на меня положиться.

И, в самом деле, бежал хоть за семь вёрст и точно исполнял поручение.

Умственный склад Кожевкина, его мирозерцание и взгляды на жизнь как-то не поддавались определению. Никто никогда не мог узнать, учился ли он чему-нибудь и где именно. Но постоянно толкаясь в студенческой среде, он нахватался разных слов и мог говорить их иногда впопад.

Во время горячих товарищеских споров он молчал, но иногда, может быть, чтобы чем-нибудь показать свою прикосновенность к обществу, он вдруг начинал вставлять ничего незначащие восклицания:

— Вот оно как! Вишь ты! Скажите пожалуйста! Ну, братец, заврался, заврался...

Правда, в языке его попадались предательские слова, бросавшие на него несколько странный свет. Так, астрономию он упорно смешивал с гастрономией, а кислород почему-то называл кислотой, но и к этому все привыкли и находили, что эта путаница в устах

Кожевкина принимает даже как бы характер игривости.

Когда какой-нибудь новичок спрашивал про Кожевкина, что это за личность, ему обыкновенно объясняли:

— Так себе — человек...

— Что же, он служит где-нибудь?

— А кто его знает. Должно быть служит...

— Семейный он?

— Ну, вот, семейный. Откуда же у него возьмётся семья? Он вечно с нами толчётся. Он почти не живёт дома...

Как-то никому не приходило в голову расспрашивать Кожевкина о его делах; соприкасался он с студентами на нейтральной почве — в портерной, в аудитории, в университетских коридорах, но никому не залезал в квартиру. Но было всё-таки несомненно, что он где-нибудь служит, потому что каждый день бывали у него такие часы, когда его нигде нельзя было встретить.

Однажды Кожевкин вдруг исчез и не появился в течение пяти дней.

— Что такое с Кожевкиным? — спрашивали товарищи, и никто не мог ответить на этот вопрос.

В первое время даже тревожились, как тревожимся мы, когда исчезает из комнаты совсем ненужная вещь, которую мы, однако же, привыкли видеть на определённом месте. Но прошёл день, другой и третий, и про Кожевкина стали забывать.

Но вот кому-то попалась в руки газета; он случайно взглянул на первую страницу и с удивлением расширил глаза, потом передал газету другому, и все тыкали пальцем в одно место, и у всех делались большие глаза. По-видимому, никто не хотел верить тому, что было написано в газете.

А там, на первой странице, в траурной рамке, было помещено объявление, которое гласило следующее:

«Леонтий Степанович Кожевкин с детьми с душевным прискорбием извещает о кончи-

не горячо любимой жены и матери Марии Митрофановны. Панихиды ежедневно в час дня, вынос тела такого-то числа утром из квартиры, помещающейся там-то».

По мере того, как газета переходила из рук в руки, общее изумление росло.

— Но каким образом? Что же это значит? Что за странное совпадение? — спрашивали все. — Кожевкин!.. Неужели в природе одновременно существуют два Кожевкина и при том два именно Леонтия Степановича?

Это казалось почти сказочным.

— А может быть, это он сам? — предположил кто-то.

— Сам? Ну, нет, это невозможно! — возражало огромное большинство. — Откуда же у него взялись жена и дети?

— У Кожевкина? Но, кажись, мы его не первый день знаем. Нет, это совершенно немыслимо.

— А ведь вот он пять дней нигде не появлялся.

— Да, пять дней не появлялся. В самом деле, это странно. Правда, этого никогда прежде с ним не случалось...

Одним словом, поднялись самые оживлённые толки по поводу Леонтия Степановича Кожевкина и его скончавшейся супруги.

— Господа, — предложил кто-то, шутя, так как всё, что касалось Кожевкина, говорилось не иначе как в виде шутки, — нам остаётся только одно: выбрать депутацию и отправить её по адресу. Должны же мы как-нибудь узнать истину.

— Только это будет не депутация, а экспедиция! — возразил кто-то. — Экспедиция для исследования загадочного явления: Леонтия Степановича Кожевкина.

Предложение было принято, выбрали двоих. В виду столь печально-торжественного случая, на них надели даже чёрные сюртуки и отправили по тому адресу, который был указан в роковом объявлении.

Переулок, в котором помещалась покойница, нелегко было отыскать. Он находился вдали от центра и принадлежал к тем уголкам столицы, куда судьба редко заносит прохожего. Но, наконец, его нашли.

Это оказался маленький домик с длинным деревянным забором и довольно большим

двором. Во дворе было заметно некоторое движение, какие-то люди выходили из флигеля и входили в него.

Товарищи отыскивали дворника и обратились к нему.

— Живёт здесь Кожевкин, Леонтий Степанович?

— Живёт. Как же не живёт. Пятнадцать лет уже живёт.

— Именно Леонтий Степанович?

— Леонтий Степанович, — не иначе.

— А каков он из себя?

— Из себя? Да обыкновенно какой: человек, как человек, как все другие.

— Высокий? Тонкий? С бородой?

— Точно. Всё это так и есть.

— А что же, он служит где-нибудь?

— Он-то? А Бог его знает... Надо полагать, служит, потому живёт. Как же без службы? Без службы не проживёшь. Да вам-то что? Вы к нему?

— Да, мы к нему, только не знаем, тот ли.

— А вы посмотрите, тот или не тот. Только нынче у него забота, похороны, жена померла. Вон в тот флигелёк и ступайте.

Они вошли в дом. Их сразу обдало запахом ладана. В передней и во всей квартире носилась густой ароматный дым.

В небольшой комнате, выходявшей окнами во двор, было душ пятнадцать народу. Большею частью женщины немолодые, с лицами, на половину закутанными в платки. На длинном столе лежала покойница, прикрытая парчой. Рядом, на двух табуретах стоял гроб, обтянутый светлым дешёвым газетом. Дьячок певучим, скорее угрюмым, чем жалобным голосом читал псалтырь.

Товарищи вошли тихо и начали креститься, но в то же время озирались кругом, стараясь отыскать глазами хозяина. Но среди присутствующих не было ни одного тонкого и в то же время длинного человека.

Они подошли поближе к покойнице и заглянули ей в лицо. Оно было очень худо, с тонкими острыми чертами. Видно, она долго болела, или вся жизнь её была полна мук. У них мелькнула мысль: «неужели же это его жена, жена этого весёлого, беззаботного человека?»

Они переглянулись и прочитали друг у

друга в лице сомнение; нет, очевидно они ошиблись. Они попали на похороны к совершенно незнакомому человеку. И им становилось неловко. Они уже посматривали на дверь, чтобы как-нибудь незаметно стучаться.

Но в это время из внутренних комнат приотворилась дверь, и появилась высокая сухощавая фигура с бледным, исхудавшим лицом, с жиденькой бородкой. Глаза у него были печальны и красны от слёз. Товарищи взглянули на него и тотчас же узнали в нём своего приятеля. Это было несомненно: Кожевкин был тут, на лицо, тот самый Кожевкин, который ещё пять дней тому назад весело кутил и смеялся в их обществе, в портерной, на Арбате.

Он постоял с минуту, с большим чувством перекрестился, потом как будто что-то вспомнил и растерянно огляделся вокруг. В соседней комнате слышался детский плач. Он схватился за голову и побежал туда. Через минуту детский плач прекратился.

Так это он, это, в самом деле, он! Кожевкин, тот самый Кожевкин, которого знает

весь студенческий мир. У него была жена, и они узнали об этом только тогда, когда она умерла. У него были дети... У Кожевкина были дети, была семья, а, значит, и привязанности и заботы. Это было до такой степени странно, что они не решались верить даже своим глазам и ждали вторичного появления высокой тонкой фигуры. Они всё-таки ещё склонны были допустить, что это ошибка.

Прошло несколько минут. Кожевкин опять вышел, с озабоченным лицом и с таким видом, как будто ему надо было сейчас что-то предпринять, но он никак не мог вспомнить, что именно. Товарищи придвинулись к нему поближе и остановились на таком пункте, чтобы он их непременно заметил. И он увидел их, и глаза его сделались большими от изумления.

— Как? Вы здесь? — растерянно промолвил он вполголоса, — так идите же сюда... Идите сюда...

Он взял обоих за руки и повёл в свою квартиру.

Обстановка в этой квартире была заурядная. Она, правда, не говорила о крайней бед-

ности, но в ней как-то совсем отсутствовали вкус и фантазия. У стен были расставлены стулья, множество кроватей. Всюду попадались умывальники, четырёхугольные столы. Всё были здесь предметы первой необходимости и не было ничего такого, что служило бы для удовольствия, не было ни одного уголка, где захотелось бы посидеть и отдохнуть. Не было ничего привлекательного и уютного.

— Ах, я вам так благодарен... Я так тронут! — говорил Кожевкин. — Но как же вы узнали, как узнали?

— Да очень просто, — объяснили товарищи. — Мы прочитали в газете ваше объявление.

— Объявление? — с удивлением спросил Кожевкин. — Разве было объявление?

— Ну, да. Вот оно.

Товарищ вынул из кармана газету и дал ему прочитать.

— Да, в самом деле... Так это... Это, значит, моя дочь позаботилась... Ах, умница... Я-то и не подумал, мне и в голову не пришло... Ах, голова у меня... Так вы, значит, по объявлению узнали?..

— Да. Все удивлены.

— Удивлены? Чему же?

— Да тому, что вы женаты... Никто этого не знал и не думал...

— О, я женат уже двадцать четыре года.

— Двадцать четыре года?

— Да, да. Я женился, когда мне было двадцать лет, и представьте... Представьте... — прибавил он дрожащим голосом, по-видимому готовый заплакать. — Мы так дружно жили с покойницей!.. Вы не знаете, что это была за женщина, что это был за ангел!

В это время в комнату вошла девушка. таща за руку пару маленьких детей. Позади угрюмо шёл гимназист лет четырнадцати.

— А, вот, вот и мои дети! — сказал Кожевкин. — Это вот моя дочь, а это — мелюзга. Гимназист-сынок... Сироты остались... Настоящие сироты! Ведь покойница была для них ангелом, поистине ангелом-хранителем.

Дети у него были разного возраста. Взрослая девушка — высокая, бледнолицая, похожая на него. Сын гимназист и два мальчугана ещё маленькие. Один из них был нервный и раздражительный и постоянно плакал; его-то

и унимал ежеминутно Леонтий Степанович, растерянно убегая из комнаты, где лежала покойница.

— Ну, — говорил он товарищам. — спасибо, что пришли. Вы меня этим тронули... До глубины души тронули...

Товарищи явились в университет с известием, что объявленная в газете покойница оказалась женой Леонтия Степановича Кожевкина.

— Гм. Странно! — говорили все друг другу. — У него была жена! Удивительно! Никак нельзя было подозревать.

На другой день целая гурьба студентов отправилась в отдалённый переулок, наполнила комнату и часть двора. Посторонняя публика, присутствовавшая на отпевании, и духовные лица с изумлением осматривались и как бы спрашивали: почему это у Кожевкина такое множество студентов? Они и на самого Кожевкина посматривали теперь с сомнением. Знали они его за человека с неопределёнными занятиями, который кое-как перебивался, то ходатайствуя у мирового судьи, то сочиняя деловую бумагу. Но теперь они нача-

ли сомневаться в том, что действительно знают его. Да кто он такой, наконец, этот Кожевкин? Уж не профессор ли какой-нибудь?

А Кожевкин смотрел на своих молодых гостей с каким-то грустным умилением. Он глубоко скорбел по поводу потери жены, которую, в самом деле, каким-то особенным образом любил; но в то же время его самолюбие было польщено честью, какую ему сделали студенты. И трудно сказать, какое чувство преобладало в нём в это время.

В одной из комнат своей квартиры он приготовил чай. Он зазывал туда товарищей, угощал всех, и каждую минуту, так как к нему подходили всё новые, он говорил:

— Да, братцы, это была не женщина, а ангел! Да, она была настоящий ангел! И я вам так обязан, так обязан!.. Благодарю вас, господа. Вы сделали мне честь, я никогда этого не забуду.

Студенты всё прибывали, а когда стали выносить гроб, их набралось больше двух сотен, и все провожали жену Кожевкина на кладбище. По дороге составилась импровизированный хор. По улице медленно тянулась стран-

ная процессия. Средства Кожевкина не позволяли взять приличный катафалк. Гроб везли на простых дрогах; за ним следовало несколько родственников, в числе их сам Леонтий Степанович с поникшей головой, и потом длинный ряд молодёжи. Прохожие останавливались и с почтением смотрели на процессию.

Нескоро появился среди товарищей Кожевкин. Он прибежал только недели через две, посидел с полчаса в портерной и торопливо убежал. Он даже не успел поговорить о том, что всех так интересовало, и о чём, однако ж, никто не решался его спрашивать.

Но однажды он пришёл спозаранку, и сам, без всяких расспросов, начал изливать душу.

— Эх, — говорил он. — Вот сижу я среди вас, как и прежде, а всё уж не то, — нет, не то.

— В чём же перемена, Леонтий Степанович? — спрашивали его, рассчитывая таким образом, что вызовут его на откровенность.

— Большая перемена! Такая перемена, как будто я был тогда один человек, а теперь стал другой. Эх, вы не знаете, что такое была для меня покойница. Женился я, друзья мои, когда был ещё совсем молодым человеком. Видели, какая она была в гробу? Вот такая она была и тогда. Худая да бледная, и сама маленькая такая, а глаза — одна грусть. Бывало, взглянешь в эти глаза, и самого грусть заберёт. И какая грусть! Это не то, что её там кто-

нибудь обидел, или в жизни была неудача или потеря какая-нибудь. А грусть за всё и за всех людей... Есть такие души, особенно женские... Кажется, вот то и это никакого касательства к ней не имеет и случилось за тысячу вёрст, или, так сказать, на другом полушарии, а она печалуется и вздыхает. Да. Так вот я и женился на ней. Может, от этой самой грусти женился. Средств у меня не было никаких, а у неё тоже, и образованием я не вышел... Так, два класса гимназии прошёл, вот и всё. А тут пошли дети, — один за другим. Сперва девочка, а потом мальчик, а потом опять девочка и опять мальчик, так и шло, как бы по очереди. Вертелся я кое-как, разные делишки доставал, — то бумагу перепишешь, то порученьице какое-нибудь устроишь, а она шить умела и всё шила, шила да шила, день и ночь за шитьём сидит... Бывало, младенца родит, неделю полежит в постели, и глядишь, уже привстала на кровати и дошивает начатую рубашку... И никогда я от неё упрёка не слышал. Да и вообще мало я от неё слышал. Редко говорила она, всё больше молчала и думала. А о чём, никак я этого узнать

не мог. Только прожил я этак с нею лет шесть, всё больше в молчании, а там вдруг меня тоска забрала. Женщина она была идеальная, а только при моей подвижной натуре не мог я обходиться без общества. Тянет меня куда-нибудь вон из дому, а боюсь, боюсь огорчить её, потому ангел она была! И что же вы думаете? Она это прозрела. Она своим любящим оком проникла, можно сказать, в самую глубину души. И вот однажды смотрит на меня и говорит: «Зачем ты, — говорит, — скучаешь?» — «Что ты, — говорю, — Манечка? Как можно?» — «Нет, говорит, меня не обманешь, я по глазам вижу, — тебе скучно!.. И ты, — говорит, — мне не лги, потому что я, всё равно, не поверю; а только напрасно обидишь меня». Вот и подите. Я вам говорю, покойница была замечательная женщина! Она была герой. Это была женщина-герой... Вот как бывают женщины-врачи, так она была женщина-герой... «Да и ты, — говорит, — не думай, что это может меня огорчить. Нет, — говорит, — меня больше огорчит, ежели я буду видеть, как ты скучаешь тут, дома. Иди, — говорит, — туда, где тебе весело будет». — «Как же, — говорю

я, — Машенька, я пойду, а ты будешь одна дома сидеть? Тебе будет скучно!» А она мне в ответ: «Это, — говорит, — ничего не значит. Я женщина, а ты мужчина. Мужчина не может сидеть дома. Женщина должна возиться с детьми, с кухней и прочее, это уже так Богом устроено; на женщине лежит весь дом, а мужчина, если он постоянно будет при семье, так он непременно сбежит. Ты, — говорит, — не смотри, что я такая молоденькая; я много видела, и оттого у меня в голове разные мысли есть. Я знаю много примеров. Отчего мужья так часто покидают своих жён, изменяя им. Да вот именно оттого, что их заставляют постоянно дома сидеть. Нет лучшего средства отвратить мужа от семьи, как держать его при себе. А ты лучше с людьми побывай и, как побудешь без нас, так тебя к нам и потянет».

И она прямо посылала меня, уходи, уходи, иди к своим друзьям, посиди вечерок. Ты любишь общество, у тебя много друзей... И как она была права! В прежнее время, когда я сидел дома по целым дням и вечерам, на меня нападала тоска, и являлись мысли, которых я

ей никогда не высказывал, да и никому: эх, бросить всё, да укатить куда-нибудь, в Америку, что ли! Да, вот какие мысли! А как только стал я проводить время вне дома, так, я вам говорю, где бы я ни был, как бы ни было мне весело, а с каким наслаждением я приходил домой, как меня тянуло к своим пенатам!.. Да, я вам скажу, умная женщина была покойница, знала человеческое сердце и умела жертвовать... И теперь уж, знаете, другая жизнь пойдёт у меня. Уж некому за детьми смотреть, придётся самому. Скучно будет, да что делать! Дочка старшая, она, хотя и добрая, и говорит: «папа, это, мол, не твоё дело, это моё дело...» А не могу же я засадить её, молодую, за такое скучное дело. У неё подруги есть, ей хочется погулять, и то и сё.

Месяца через два он стал появляться чаще, а потом его стали встречать в портерной каждый день. Он появлялся и в университете, и на сходках, и всё пошло по-прежнему.

— А как же дети ваши? — спрашивали его, помня те речи, которые он говорил вскоре после похорон.

— Дочка при них! — отвечал Леонтий Сте-

панович. — Я, конечно, не позволял ей, говорил: «Как можно! Тебе будет тяжело!» А она — ни за что не хочет. «Иди, — говорит, — папа! иди». У неё, знаете, такой же характер, как у покойницы; она тоже героиня.

— А вы, Леонтий Степанович?

— Ну, я какой же герой! Я слабый человек, не более! — отвечал Кожевкин.

1899